

НАСИЛІЕ НАДЪ ПСИХОЛОГІЕЙ.

Водъ этимъ заглавіемъ, въ «Военномъ Сборникѣ» № 12 за прошлый годъ, напечатана статья г. Дмитревскаго, въ видѣ опыта критики на мою книгу «Военная Психологія». Считаю необходимымъ отвѣтить, съ цѣлью выяснитъ вопросы, имѣющіе весьма существенное значеніе въ военномъ дѣлѣ.

Г. Дмитревскій пишетъ, что читатель моей книги поражается «удалію нѣкоторыхъ научныхъ опредѣленій» и что мои опредѣленія показываютъ полную независимость автора, независимость, похвальную въ ратномъ дѣлѣ, во главѣ войскъ, но не похвальную въ ученомъ трудѣ. На изложенное отвѣчу, что ученый трудъ цѣненъ именно независимостью своихъ сужденій; иначе это будетъ не ученый трудъ, а списываніе чужихъ мнѣній. Что же касается сужденія, что моя психологія написана въ удаломъ духѣ, то я спрашиваю, а въ какомъ же именно духѣ должна быть написана *военная* психологія? Если военная психологія написана въ такомъ духѣ, что она не пригодна для ратнаго дѣла, то кому и для чего нужна такая военная психологія? Я полагаю, что только такая военная психологія и имѣетъ цѣнность и можетъ быть допущена въ обращеніе, которая даетъ, хотя и удалыя, но вполнѣ понятныя опредѣленія, и которая отвѣчаетъ требованіямъ военнаго дѣла. Военная психологія, написанная въ иномъ духѣ, т. е. непригодная для военнаго дѣла, составляетъ нѣчто не-суразное, для этого дѣла совершенно не пригодное. Скажу бо-

лѣе, военная психологія, написанная не въ ратномъ духѣ, принести огромный вредъ, ибо понижаетъ ратный духъ, понижаетъ воинскую доблесть. Что же касается удалыхъ опредѣленій, то, по моему, лучше дать удалое, но вполнѣ понятное опредѣленіе, чѣмъ писать пятиэтажныя опредѣленія, отъ которыхъ у читателя голова кружится. Про одного профессора острили, что онъ даетъ опредѣленія, исчерпывающія вопросъ со всѣхъ сторонъ и еще съ одной стороны. Дѣйствительно, профессоръ этотъ каждое опредѣленіе писалъ въ формѣ періода, на пяти страницахъ, безъ знаковъ препинанія. Нужно было имѣть нечеловѣческую память, чтобы заучить подобное опредѣленіе; понять же его не было никакой возможности. Но—зато, оно было весьма научное. Въ «Военномъ Сборникѣ», за январь прошлаго года, на стр. 161, извѣстный у насъ историкъ-писатель такъ выразился относительно ученой критики: «по мнѣнію N, въ ученомъ трудѣ, все должно быть тяжеловѣсно, даже слогъ и заголовокъ». Лично я придерживаюсь древняго указація: «говори такъ, чтобы тебя не могли не понять». Я полагаю, что ученый трудъ только выиграетъ отъ подобнаго ненаучнаго изложенія.

Въ частности скажу, что г. Дмитревскій не разбираетъ моихъ опредѣленій по существу, а, въ противовѣсъ моимъ сужденіямъ, приводитъ сужденія другихъ авторовъ. Но вѣдь это не критика, а стремленіе доказать, что мои опредѣленія хуже, чѣмъ имѣются у другихъ авторовъ. Съ такой постановкой вопроса спорить невозможно, ибо подобная критика—дѣло вкуса, а не желанія найти истину. Такъ, напримѣръ, въ противовѣсъ моему опредѣленію, какъ надо понимать храбрость, г. Дмитревскій заявляетъ, что Ксенофонтъ далъ неизмѣримо лучшее, чѣмъ я, опредѣленіе, а именно—«храбрый человѣкъ тотъ, который знаетъ, что впереди есть опасность, и все-таки идетъ на нее». При чтеніи этихъ строкъ, я вспомнилъ отвѣтъ Наполеона I, когда его вызвали на поединокъ. Наполеонъ отвѣтилъ: «если такому-то надоѣло жить, то онъ можетъ повѣситься». Изъ отвѣта видно, что Наполеонъ I зналъ объ опасности дуэли, но все-таки не пошелъ на эту опасность. Значитъ, Наполеонъ I—не храбрый, трусъ. Заключение, отвѣчающее формулѣ Ксенофонта, едва-ли отвѣчаетъ дѣйствительности. Отсюда ясно, что данное Ксенофонтомъ опредѣленіе не совсѣмъ свободно отъ сомнѣній.

Далѣе г. Дмитревскій ставитъ мнѣ въ упрекъ, что я не соглашаюсь, по нѣкоторымъ вопросамъ, съ авторитетами въ области

психологіи, но въ то же время признаетъ «не только знакомство автора съ предметомъ, но и вообще его огромную эрудицію». Значить, совершенно понятно почему я не соглашаюсь съ авторитетами. Знакомство съ предметомъ и огромная эрудиція даютъ право не соглашаться, даютъ основаніе для собственныхъ сужденій. Такъ, напримѣръ, г. Дмитревскій, ссылаясь на изслѣдованія Эббингауза, указываетъ, что воля возникла ранѣе ума и чувствъ. По моему, это невѣрно. Первое, что появляется у человѣка—это чувства: чувство голода, любовь къ родителямъ, влеченіе къ удовольствіямъ, и проч. Затѣмъ появляется умъ, и то лишь какъ помощникъ чувствъ въ томъ смыслѣ, что умъ помогаетъ человѣку осуществить свои чувства. Воля же составляетъ продуктъ борьбы за существованіе, укрѣпляется воспитаніемъ. Слѣдовательно, воля появляется значительно позже, именно въ тотъ періодъ, когда человѣку приходится преодолѣвать житейскія препятствія. Въ такомъ именно порядкѣ формируются у человѣка душевныя силы. Во всякомъ однако случаѣ, иное противъ Эббингауза мнѣніе не составляетъ грѣха, а скорѣе наоборотъ. Я не задавался цѣлью списывать чужія мнѣнія, а разрабатывалъ многіе вопросы самостоятельно.

Затѣмъ г. Дмитревскій не соглашается съ моимъ указаніемъ, что разсѣянность относится къ малому уму, и въ доказательство приводитъ умъ Ньютона. Разсѣянность, по мнѣнію рецензента, большею частью показываетъ силу ума. Изъ словъ г. Дмитревскаго я усматриваю, что перепутаны два совершенно различныхъ психологическихъ состоянія, а именно—разсѣянность и внутреннее вниманіе. Въ первомъ случаѣ, разсѣянность составляетъ основу характера человѣка; разсѣянный по характеру человѣкъ не можетъ сосредоточиться, не обладаетъ наблюдательностью. Человѣку разсѣянному нельзя довѣрять дѣло, требующее системы, акуратности. Попробуйте назначить на должность казначея разсѣяннаго человѣка, и въ первый же день вы убѣдитесь, насколько слабо работаетъ умъ такого казначея. Отсюда ясно, что разсѣянность, какъ свойство ума, несомнѣнно относится къ уму слабому. Совершенно въ иномъ положеніи находится вопросъ о внутреннемъ вниманіи, послѣдствіемъ котораго является кажущаяся разсѣянность. Вопросъ этотъ подробно изслѣдованъ мною на стр. 101-й моей книги. Я говорю: «когда человѣкъ сосредоточенно думаетъ о чемъ либо одномъ, погруженъ въ глубокую думу, то духовная дѣятельность видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что человѣкъ плохо видитъ, плохо слышитъ, не испытываетъ внѣшнихъ впечатлѣній, вообще—ста-

новится очень разсѣяннымъ». Въ данномъ случаѣ разсѣянность составляетъ слѣдствіе глубокой, сосредоточенной работы ума, но отнюдь не выражаетъ основной особенности этого ума. Въ такомъ именно состояніи внутренняго вниманія пребываютъ великіе умы, во время глубокаго раздумья. Въ такой именно формѣ выражалась якобы разсѣянность Ньютона и другихъ великихъ мыслителей, что однако не даетъ никакого основанія причислять эти умы къ разряду разсѣянныхъ по существу. Итакъ разсѣянность, какъ слѣдствіе глубокаго размышленія, и разсѣянность, какъ основное свойство ума, это два совершенно различныхъ психологическихъ состоянія. Смѣшивать эти состоянія не слѣдуетъ.

На стр. 127—130 моей книги указаны схемы ума, воли, чувства и совѣсти. Относительно этихъ схемъ г. Дмитревскій пишетъ: «Вообще всѣ схемы въ книгѣ не имѣютъ абсолютно никакого основанія, кромѣ произвола автора, и многое въ нихъ поражаетъ своею безшабашностью». Такъ ли это?

Схема составляетъ фигуральное выраженіе мысли, облегчаетъ пониманіе и запоминаніе этой мысли. По означенному вопросу, на стр. 95 моей книги, сказано слѣдующее: «Безплотныя лица и существа, а также отвлеченныя понятія и чувства, не имѣютъ, какъ извѣстно, вещественнаго образа, не имѣютъ физическаго вида. Но человекъ, созданный изъ матеріи, живущій въ ограниченномъ пространствѣ и времени, невольно стремится выразить свои представленія въ матеріальной формѣ. На такой именно особенности человеческого духа основаны всѣ изящныя искусства», добавлю—всѣ чертежи и схемы прикладныхъ наукъ. Напримѣръ, въ топографіи нѣсколько линий и условныхъ знаковъ во много разъ лучше выражаютъ представленіе о мѣстности, чѣмъ многотомное описаніе. Странно было бы, если бы я, авторъ книги, въ коей подробно излагаются преимущества фигуральнаго выраженія мысли, самъ не воспользовался этимъ средствомъ. Поэтому, на заявленіе г. Дмитревскаго, что предлагаемыя схемы не имѣютъ абсолютно никакого основанія, я отвѣчу, что основаніе это указано на стр. 95-й моей книги. Надо только внимательно прочесть. Если же схемы, по содержанію своему, не выражаютъ данной мысли или идеи, то критикъ обязанъ доказать это въ своемъ критическомъ анализѣ; браковать же голословно не принято.

Что касается вообще авторитетовъ по вопросамъ психологіи, то авторитетовъ этихъ достаточно въ моей книгѣ; однако я пользуюсь этими авторитетами очень осторожно и, главнымъ образомъ,

для изложенія исторіи даннаго вопроса. Несомнѣнно, многими авторами я пользовался, такъ сказать, для самообразования, но отнюдь не для списыванія чужихъ мнѣній. Въ своемъ стремленіи непременно забраковать мою книгу, г. Дмитревскій примѣнилъ такой пріемъ. Выписавши мое заявленіе, что общественное мнѣніе должно укрѣплять, а не разрушать духъ арміи, г. Дмитревскій пишетъ: «Это, конечно, вѣрно, но надо доказать это заявленіе». Если заявленіе вѣрно, то что же собственно доказывать? Зачѣмъ усложнять вѣрное положеніе излишними доказательствами?

Далѣе г. Дмитревскій пишетъ, что я до того забылся, что два раза назвалъ анархистовъ — деспотами. Затѣмъ критикъ поясняетъ, что «анархисты хотятъ именно разрушить не только деспотизмъ, но и всякую власть; готовы уничтожить весь родъ людской, въ бѣшеномъ ослѣпленіи своей противоестественной идеей — химерой». Изъ выписки видно, что въ данномъ случаѣ перепутана политика и психологія. На своемъ политическомъ знамени анархисты дѣйствительно пишутъ — «абсолютная свобода», но въ тоже время — готовы уничтожить весь родъ людской, во имя своей собственной идеи. Человѣкъ, который не признаетъ никакихъ законовъ, а руководствуется только своими личными побужденіями, называется деспотомъ. Какая же это свобода, если всѣхъ, инако мыслящихъ, анархисты истребляютъ бомбами? Подобные господа, съ точки зрѣнія психологіи, чистѣйшіе деспоты, никого и ничего, кромѣ своей персоны, не признающіе. По этой то именно причинѣ, ученіе анархистовъ признается нелѣпымъ и деспотичнымъ; а что на знамени анархистовъ написано — «свобода», то вѣдь это ярлычекъ, который имѣетъ такую же цѣнность, какъ и надпись «минеральная вода» на бутылкѣ съ ядомъ.

Въ сужденіяхъ г. Дмитревскаго о частной инициативѣ произошло нѣчто изумительное, вполне современное. Всѣ мы проповѣдуемъ частную инициативу во всѣхъ областяхъ, какъ непремѣнное условіе успѣха въ современной обстановкѣ работы. Но чуть только авторъ книги проявилъ самостоятельность и частную инициативу, сейчасъ же подобная дерзость ставится ему въ упрекъ и указываются авторитеты, подъ начало коихъ рекомендуется стать безъ противорѣчій. Я никакъ не ожидалъ, что мои указанія на упадокъ частной инициативы получаютъ столь блестящее подтвержденіе даже въ критическомъ очеркѣ. Гдѣ же тутъ требовать частной инициативы на полѣ сраженія, когда за эту инициативу можно заплатить начетомъ, а то и болѣе сего!

Я могъ бы возразить на всѣ заявленія г. Дмитревскаго, съ цѣлью выяснитъ неправильность его оцѣнки, но не буду утомлять читателя, и перейду къ послѣднему отдѣлу—къ психологіи военного хозяйства.

Г. Дмитревскій заявляетъ, что въ главѣ «психологія военного хозяйства» имѣется только «страстный протестъ и возмущеніе противъ существующаго порядка повѣрки лицъ, завѣдывающихъ отдѣлами войскового хозяйства, лицами не военными». Далѣе критикъ съ ироніей говоритъ: «отсюда недалеко и до психологіи кухоннаго дѣла».

Да, къ сожалѣнію, я не могъ помѣстить въ своей книгѣ психологію кухоннаго дѣла, а между тѣмъ этотъ отдѣлъ имѣетъ огромнѣйшее значеніе *). Изложенное видно изъ слѣдующихъ фактовъ, которые *фигурально* выражаютъ мою мысль. Случай, свидѣтелемъ котораго я былъ лично.

Начальникъ дивизіи, очень строгій и хорошо знающій психологію воинскаго чина, производитъ смотръ. Группа начальствующихъ лицъ входитъ въ ротную кухню. Командира роты, тоже весьма требовательнаго и знающаго свое дѣло капитана, недолюбливали нѣсколько чиновъ изъ числа прогрессистовъ. Подходятъ къ ротному котлу.

— Зачерпни!

Кашеваръ неистово завертѣлъ ковшомъ, съ трудомъ добылъ гущи со дна котла и вытащилъ... головешку! Всѣ замерли на мѣстѣ. Начальникъ дивизіи пристально посмотрѣлъ въ лицо командира роты; лицо было спокойное, увѣренное. Генераль перевелъ строгій взглядъ на кашевара и нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него въ упоръ; лицо кашевара дрогнуло.

— Ты это сдѣлалъ нарочно?

— Такъ точно!...—вскрикнулъ кашеваръ, не вынеся испытующаго взгляда и минутной тишины.

— Кто тебя научилъ?

*) Крайне трудно согласиться съ авторомъ относительно подобной классификаціи психологіи; нельзя же явленія психологіи, имѣвшія мѣсто «на кухнѣ», относить къ психологіи «кухоннаго дѣла»! Совершенно непонятно почему психологія, могущая играть роль «въ» кухонномъ дѣлѣ, «въ» военномъ хозяйствѣ (да вообще «во» всякомъ дѣлѣ), должна преобразоваться въ особую «психологію кухоннаго дѣла», «психологію военного хозяйства»!

Совершенно не раздѣляя этихъ взглядовъ автора, даемъ мѣсто высказываемымъ имъ положеніямъ лишь какъ образчику проводимой имъ искусственной классификаціи психологіи.

Ред.

— Такіе то... в. пр-ство!

Вотъ вамъ психологія кухоннаго очага въ лицахъ. Въ данномъ случаѣ психологія сослужила хорошую службу. Но не всегда такъ бываетъ.

Въ ноябрѣ 1905 года, въ Севастополѣ, вспыхнулъ мятежъ на судахъ нашего флота: Пантелеймонѣ, Очаковѣ, Свирѣпомѣ и на трехъ номерныхъ миноносцахъ. Внѣшней причиною кроваваго бунта послужили судовые кухонные очаги, изъ коихъ, на виду всѣхъ матросовъ, были извлечены недоброкачественные продукты, подброшенные въ котлы агитаторами. Заранѣе подготовленные пропагандой, матросы представляли бочку съ порохомъ, на который упала искра изъ кухоннаго очага въ видѣ гнилого мяса. Послѣдствія извѣстны.

Сопоставьте теперь съ означеннымъ явленіемъ психологію кухоннаго дѣла въ Баязетѣ, во время войны 1877 года. Во время осады гарнизонъ Баязета получалъ въ сутки по $\frac{1}{4}$ фунта сухарей и по одной ложкѣ воды, но все-таки мужественно отражалъ ожесточенныя атаки турокъ и курдовъ, силы коихъ были въ 20 разъ больше гарнизона. Психологія долга и присяги побѣдила психологію кухоннаго дѣла. Можно ли послѣ изложеннаго отрицать огромное значеніе психологіи кухоннаго дѣла и выразаться объ этой психологіи пронически?

Психологія кухоннаго очага будетъ изложена мною во второй части военной психологіи. Въ эту же часть войдутъ также многіе другіе отдѣлы, напримѣръ: психологія полководца, начальника, бойца, психологія родовъ войскъ и проч. Выходъ въ свѣтъ второй части задержанъ тѣмъ, что я считаю необходимымъ привести побольше историческихъ примѣровъ, числомъ около 200, обработка коихъ для печати потребовала много времени.

Перехожу къ психологіи военнаго хозяйства.

Подъ такимъ заглавіемъ въ моей книгѣ выяснена сущность и отдѣльныя слагаемыя военнаго хозяйства, а затѣмъ сдѣлана оцѣнка съ точки зрѣнія военной психологіи. Въ этой главѣ нѣтъ не только «страстнаго протеста и возмущенія противъ существующаго порядка и печати», какъ говоритъ г. Дмитревскій, но нѣтъ вообще никакого протеста. Въ видѣ иллюстраціи, я указалъ, насколько повѣрка военнаго хозяйства и современная печать не отвѣчаютъ основнымъ психологическимъ положеніямъ. Но это не протестъ, а поясненіе принципа. Я, напримѣръ, указываю, что повѣрка военнаго хозяйства штатскими лицами—явленіе ненормальное, и под-

робно объясняю свой взглядъ. Дабы доказать правильность своего мнѣнія, скажу еще слѣдующее. Въ концѣ прошлаго года, признано было необходимымъ произвести ревизію Томскаго технологическаго института. Для ревизіи была отправлена комиссія, въ составѣ двухъ очень извѣстныхъ профессоровъ и одного, не менѣе извѣстнаго, администратора по учебной части. Изъ этого видно, что указанная комиссія была вооружена обширными спеціальными познаніями, огромнымъ опытомъ и авторитетомъ. Естественно, что ревизія подобными силами, съ точки зрѣнія психологіи, вполне отвѣчала своей задачѣ. Понятно затѣмъ, что дѣятельность подобной комиссіи принесла огромную пользу въ научномъ и административномъ отношеніи, въ чемъ убѣждаютъ результаты ревизіи, опубликованные въ газетахъ. Въ психологіи военнаго хозяйства я подробно разбираю и доказываю, почему для ревизіи военнаго хозяйства необходимо назначать комиссіи совершенно въ такомъ же порядкѣ, какъ это наблюдается въ другихъ вѣдомствахъ. А именно—чины ревизіонной комиссіи должны быть вооружены обширными спеціальными познаніями по *военной части*, имѣть огромный опытъ въ области *военнаго дѣла* и пользоваться авторитетомъ, т. е. состоять на дѣйствительной *военной службѣ*. Только при этихъ условіяхъ ревизія принесетъ огромную пользу. Развѣ мои сужденія не вѣрны?

Далѣе, г. Дмитревскій дѣлаетъ выписку изъ моей книги, что интересы казны прямо противоположны интересамъ службы, и затѣмъ говоритъ: «читатель будетъ недоумѣвать, не имѣя возможности представить себѣ такой случай или примѣръ, гдѣ бы видно было, что интересы службы и казны противоположны, а авторъ такихъ примѣровъ не приводитъ». Спрашивается, чего же ради воюютъ всѣ оппозиціонныя партіи, во всѣхъ государствахъ, по вопросу о сокращеніи вооруженій? А возникшее, вѣрнѣе окрѣпшее нынѣ, ученіе, подъ названіемъ пасифизмъ; а тысячи книгъ и брошюръ, подъ общимъ заглавіемъ, «вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій»—ради чего все это проповѣдуется? Понятно, ради интересовъ казны, въ видѣ сокращенія военныхъ расходовъ. Но сокращеніе военныхъ расходовъ понижаетъ боевую готовность арміи, что, конечно, не отвѣчаетъ интересамъ службы. Отсюда ясно, что интересы казны и службы, дѣйствительно противоположны другъ другу. Означенный вопросъ подробно выясненъ мною на стр. 231, 232 и 239 моей психологіи. Я прямо говорю, что служба требуетъ огромныхъ расходовъ, а казна стремится сократить эти

расходы. Развѣ это не два полюса съ точки зрѣнія военной психологіи?

Какъ на замѣчательный примѣръ, до какой степени интересы службы и интересы казны противоположны, могу указать на хозяйственныя операціи *безъ расходовъ отъ казны*. Служба требуетъ приобрѣсти опредѣленное имущество, казна не даетъ необходимыхъ денегъ. Вѣдь не секретъ, что очень много хозяйственныхъ расходовъ въ части должно покрываться неопредѣленными остатками хозяйственныхъ суммъ, за неимѣніемъ денегъ для этого назначенія. Экипажъ и лошади командиру полка полагаются; а развѣ имѣется отпускъ отъ казны на приобрѣтеніе того и другого? Если подобныя явленія сопоставить, то и получится указанное мною въ военной психологіи, что интересы службы противоположны интересамъ казны. Поэтому, безусловно необходимо эти слагаемыя военнаго хозяйства—службу и казну выдѣлить въ особыя отдѣлы, каковыя изслѣдовать самостоятельно съ точки зрѣнія военной психологіи. Такъ я и сдѣлалъ въ моей книгѣ. Въ чемъ же тутъ неправильность?

Затѣмъ, г. Дмитревскій высказываетъ удивленіе, какимъ образомъ можно честно купить гнилые сухари? Да очень просто—когда въ хозяйствѣ на первомъ мѣстѣ ставится экономія, за которую выдаются награды. Въ этомъ случаѣ, честнѣйшимъ манеромъ можетъ приобрѣтаться негодное имущество. Такъ, напр., 25 лѣтъ тому назадъ, для выпечки хлѣба пользовались желѣзными формами, что давало 60% экономіи хлѣба, хотя законъ требовалъ только 40%. Слѣдовательно, 20% пищевыхъ веществъ замѣнялись водой. Развѣ это не гнилые сухари, приобрѣтенные вполнѣ честно, ибо экономія оставалась въ казнѣ? По вопросу о мундирной одеждѣ имѣется огромная литература, въ коей и я въ свое время участвовалъ. Изъ этой литературы извѣстно, что нѣкоторыя части хранили въ цейхаузахъ 5 или 6 сроковъ мундировъ, а воинскіе чины все-таки носили мундиры, неотвѣчающіе своему назначенію. Къ какому же отдѣлу военной психологіи надлежитъ отнести указанные выше явленія? Очевидно, къ честному приобрѣтенію негоднаго имущества. Экономія хлѣба, мундирной одежды и денежныхъ суммъ открывала въ то время широкіе служебные горизонты. Всѣ виды экономіи получались вполнѣ честно, но не безъ изъяна въ томъ имуществѣ, которое шло на текущее довольствіе. О такой именно неправильной постановкѣ вопроса и говорится въ моей книгѣ. Развѣ это протестъ?

Что же касается печати, то въ вопросѣ этомъ замѣшано современное *пугало*, передъ которымъ пасуютъ даже сильные характеры. Пугаломъ этимъ служить гласность. По современнымъ понятіямъ, сказать что либо противъ гласности печати, это значитъ росписаться въ отсталости и даже денежной неопытности. Въ своей военной психологіи я проповѣдую разумную гласность, подчиняя таковую интересамъ арміи, а именно, во-первыхъ, чтобы гласность была направлена исключительно на укрѣпленіе, а не на разрушеніе духа арміи, стр. 212; во-вторыхъ, чтобы точно указывались источники и документы, на коихъ основаны такъ называемыя разоблаченія, стр. 266. Только разумная и документальная гласность принесетъ пользу, а крикливый шумъ сотрудниковъ, ради гонорара, составляетъ величайшее зло современной эпохи. Такъ, напр., въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 11-го февраля 1912 года, № 32, напечатана статья «Тяжелое, но неправдивое обвиненіе». Въ этой статьѣ значитса, что въ газетахъ «Голосъ Москвы» № 236 и «Русское Знамя» № 153, какой-то г. Боевой обвиняетъ корпуснаго командира въ преступномъ разстрѣливаніи артилеріей своей же пѣхоты. На повѣрку же оказалось, что корпусный командиръ находился въ 500 верстахъ отъ мѣста, гдѣ произошелъ несчастный случай. Развѣ я неправъ, выказываясь за то, чтобы разоблаченія писались болѣе добросовѣстно?

Въ «Колоколѣ» за прошлый годъ, значитса слѣдующее: «Какъ спрутъ, охватили весь югъ своими зловредными щупальцами копѣчныя газеты..... содержаніе этихъ листковъ одинаково, по одной программѣ..... всякая правительственная мѣра, даже самая благодѣтельная, квалифицируется ими съ нарочито невыгодной стороны.... причастные къ копѣчнымъ изданіямъ—это первые застрѣльщики изъ революціонныхъ пулеметовъ». Спрашивается, развѣ можно не отмѣтить подобнаго явленія въ военной психологіи, въ которой имѣется глава о значеніи современной печати? Почему типографскіе пулеметы враждебной прессы направлены противъ арміи—выяснено на страницѣ 216 моей книги. Я говорю, что противогосударственныя ученія дошли до сознанія, что армія представляетъ силу, способную уничтожить всякое сопротивленіе, вредное съ точки зрѣнія государства. Вотъ почему большая часть оппозиціонной печати всячески старается разрушить воинскую дисциплину, воинскую доблесть, авторитетъ начальниковъ и прочія слагаемыя арміи. Если я предупреждаю объ этомъ и указываю средства для противодѣйствія, то называть мои сужденія возму-

ценіемъ противъ печати и гласности едва-ли справедливо. Печальныя явленія измѣны долгу и присягѣ, которыя наблюдаются въ арміяхъ нѣкоторыхъ государствъ, въ послѣдніе 10—15 лѣтъ, подготовлены печатью и неосторожнымъ вмѣшательствомъ штатскихъ лицъ въ дѣла арміи. Отчетливо представляя себѣ психологію сего вопроса, я считаю своей обязанностью подробно изложить сущность явленій, съ единственною цѣлью — принести пользу арміи.

Я не имѣю основаній не вѣрить искренности заявленій г. Дмитревскаго, не вѣрить его познаніямъ въ области военной психологіи. Поэтому невольно рождается вопросъ: чѣмъ же объяснить очень большое разногласіе въ нашихъ взглядахъ?

Объясненіе даетъ самъ г. Дмитревскій. Въ опытѣ его критики имѣются слѣдующія выраженія: «выводы *чистой* психологіи сказали бы пожалуй обратное.... участіе гражданскихъ лицъ въ дѣлахъ арміи вообще для психологіи, какъ науки, *чуждо*».... Изъ этихъ и другихъ выраженій видно, что г. Дмитревскій считаетъ военную психологію наукой не отъ міра сего, наукой, абсолютно отвлеченной. Я же лично стою на совершенно реальной почвѣ и признаю слѣдующее. *Чистой* психологіи вовсе не существуетъ. Имѣется психологія общая и психологія профессиональная. Первая изслѣдуетъ основныя положенія, общія для всего человѣчества; вторая изслѣдуетъ вопросы въ области данной служебной и общественной дѣятельности. Въ виду сего, имѣется психологія духовенства, рабочихъ, военная психологія и проч. *Военная психологія занимается изслѣдованіемъ психическихъ явленій въ области военного дѣла.* Отсюда ясно, что военная психологія — наука исключительно прикладная, вполне реальная. Въ такой психологіи должны выясняться абсолютно всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ арміи; должны быть указанія практическаго характера. Безъ этого — военная психологія пользы не принесетъ. Заявленіе же г. Дмитревскаго, что участіе гражданскихъ лицъ въ дѣлахъ арміи для военной психологіи должно быть *чуждо*, противорѣчитъ существующимъ законамъ. Согласно этимъ послѣднимъ, не допускаются въ казармы гражданскія лица безконтрольно, а политическіе агитаторы обязательно задерживаются и передаются полицейскимъ властямъ. Означенныя и тому подобныя правила, всецѣло основанныя на указаніяхъ военной психологіи, убѣждаютъ, что участіе гражданскихъ лицъ въ дѣлахъ арміи не можетъ быть чуждо военной психологіи. Напротивъ, въ нашу эпоху, когда только армія держитъ на плечахъ государственность, противъ ко-

торой ополчились очень большія темныя силы, вопросъ о тлетворномъ вмѣшателствѣ гражданскихъ лицъ въ дѣла арміи получаетъ особо важное значеніе. Дабы избѣгнуть вліяній, разрушающихъ армію, я пишу въ моей военной психологіи: «Въ настоящее время, по многимъ причинамъ, армію необходимо превратить въ Рыцарскій Военный Орденъ, замкнутый въ своей специальности, съ очень прочной дисциплиной и повышенной воинской доблестью». По моему глубокому убѣжденію, только указанный приемъ позволитъ спокойно ожидать грядущихъ событій, каковыя вызываютъ тревогу въ душѣ даже очень стойкихъ людей. Достигнуть цѣли можно при условіи, если, между другими мѣрами, и военная психологія будетъ изслѣдовать вопросы на почвѣ реальной, практической. Всякіе же пятиэтажныя опредѣленія и сугубо научныя разсужденія съ характеромъ чистой, чуждой земной жизни, психологіи пользы не принесутъ.

Н. Ухачъ-Богровичъ.

